

*dominance paradigm, as the comprehensive constructive force that permeates the entire Universe, is the basis of entity and integrates moral- spiritual-bodily constitution of a man. A conjecture is formed that in the situation of « world magic denude » and postmodernism predicted displacement of a traditional man by a posthuman, belief in the existence of high values will remain in the thinking part of mankind, gravitating towards the transcendent.*

**Key words:** *spirit, sacredness, spiritual values, body, soul, desanctification, «consumer society».*

УДК 1:372.832

Д. И. Наумов

Государственное научное учреждение  
«Институт социологии Национальной академии наук Беларуси»

### **ИДЕЙНО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

*В статье рассматривается проблематика формирования идейно-символического пространства постсоветского общества посредством символической политики, конституируемой и реализуемой различными политическими акторами. В качестве методологической основы исследования используется такой подход, как «theory studies». Он актуализирует теоретическое осмысление проблем исторической рефлексии на групповом и социальном уровне, конструирования социокультурного пространства и форм репрезентации групповой идентичности.*

**Ключевые слова:** *идейно-символическое пространство, постсоветское общество, символическая политика, историческая память, коммеморация*

Современный этап развития постсоветского общества, независимо от его историко-культурного наследия, формы национально-государственного устройства и географического расположения, свидетельствует о противоречивом и кризисном характере общественно-политической жизни. Характерными чертами его новейшего исторического бытия является постоянное генерирование конфликтов по поводу моделей и вектора общественно-политического и экономического развития, слабая эффективность правовых институтов и механизмов при их урегулировании. Проблемы с созданием и развитием институциональной инфраструктуры современного государства на постсоветском пространстве, сложности с укоренением в социально-политической жизни демократических принципов и практик, вызываемые несопадением нормативно-ценностных оснований модернизационных процессов и этнокультурных кодов населения, в

гносеологическом аспекте актуализирует выявление роли социокультурного фактора в политической жизни постсоветского общества.

В историческом ракурсе данную исследовательскую проблему можно рассматривать в контексте задачи по выявлению специфики национально-культурного и политического развития, обусловленной влиянием менталитета на генезис национальной государственности. При этом менталитет, в широком смысле понимаемый как совокупность и специфическая форма организации психических свойств и качеств, особенностей и проявлений, как социальных общностей, так и отдельных индивидов, правомерно рассматривать в качестве одной из важнейших детерминант процесса становления и развития политических институтов. Выступая как своеобразное хранилище легитимизированных исторической традицией смыслов и дискурсов, менталитет позволяет индивидам единообразно воспринимать и оценивать окружающую социально-политическую реальность. Именно благодаря его наличию индивид может строить рациональную модель собственной деятельности в политической сфере общества, ориентируясь в соответствии с определенными устоявшимися нормами и образцами поведения, что позволяет ему быть адекватно воспринятым и понятым другими акторами. В этом случае менталитет общности выполняет организующую и интегрирующую функции, создавая единое для всех её членов политико-психологическое смысловое пространство. Таким образом, в аспекте исследуемой проблемы на социетальном уровне менталитет способствует поддержанию преемственности существования политической системы, оказывая непосредственное влияние на выбор индивидами политических ориентаций и моделей поведения. Менталитет общности насыщен структурами и образами, сформировавшимися в процессе ее исторического развития и имеющими долговременный, не сводимый к жизни одного-двух поколений, характер своего существования. Исторические условия, в которых сформировались те или иные архетипы ментальности, качественно отличаются от реалий современности, поэтому для благодаря менталитету формирование национальной государственности происходит в гетерогенном социокультурном пространстве. В этом пространстве причудливо сосуществуют как современные представления, так и архаические смыслы и значения, которые в процессе социальных коммуникаций создают сложный контекст для функционирования институтов современной политической системы.

В политико-философском ракурсе проблема определения роли социокультурного фактора в политической жизни постсоветского общества может рассматриваться в контексте характеристики и оценки траектории политической динамики постсоветского общества в системе социокультурных координат, которые должны базироваться как на нормативных моделях демократии, так и на историко-культурном опыте конкретного сообщества. С точки же зрения философии истории предметом

исследования, актуализирующим роль действующего и познающего субъекта, становятся такие феномены, как процессы и механизмы конструирования социокультурного времени, плюрализация мнемонического пространства социума и его структурная дифференциация, превращение памяти (исторической, социальной, коллективной и т.д.) в ретроактивный процесс, который на основе контекстных рамок настоящего и посредством практик памятования и забывания постоянно реконструирует прошлое, как индивидуальное, так и социально-групповое. Этот процесс проблематизирует постижение сущности исторического прошлого или в принципе элиминирует такую возможность, превращая прошлое в динамичный конгломерат исторических нарративов, фактов и гносеологических схем и моделей.

В политологическом ракурсе проблема определения роли социокультурного фактора в политической жизни постсоветского общества состоит в выявлении специфики формирования политико-идеологических доктрин и партийных программ конкурирующими политическими акторами постсоветских стран, их представления и оценки в публичной сфере, конструирования идеологических дискурсов и их использования в качестве инструментов, как политического управления, так и манипулирования общественным мнением. Эвристичность и актуальность такого подхода подтверждает то, что политически мотивированное и идеологически ангажированное обращение с историческими фактами со стороны различных политических акторов, конструирование ими собственных версий национальной истории, списков национальных героев и критериев оценки их деятельности стали неотъемлемой частью политической жизни постсоветского общества.

Таким образом, сложная структура социокультурной реальности, которая обуславливает противоречивый характер процессов социальных трансформаций на постсоветском пространстве, актуализирует необходимость выработки адекватного подхода к исследованию феномена значений и смыслов, понятий и ценностей, в современных условиях фактически виртуализирующих социальные институты, общности, процессы и нормы. Его эвристический потенциал определяется тем, насколько исследовательский инструментарий позволяет «показать, каким образом субъективные представления, мысли, способности, интенции индивидов действуют в пространстве возможностей, ограниченном созданными предшествовавшей культурной практикой коллективными структурами, испытывая на себе их постоянное воздействие» [6, 131].

Одним из таких подходов являются сформировавшиеся в период с конца XIX до середины XX века «memory studies», актуализирующие идеи известного французского философа и социолога Э. Дюркгейма и направленные на теоретическое осмысление проблем исторической рефлексии на групповом и социальном уровне, конструирования и/или ре(де)конструирования социокультурного пространства и форм репрезентации групповой идентичности. Основные концептуальные идеи и

методологические принципы данного подхода представлены в трудах таких философов, историков и психологов, как А. Бергсон, П. Рикер, М. Хальбвакс, З. Фрейд, С. Н. Трубецкой, Я. Зерубавель, Ж. Ле Гофф, Я. Ассман, П. Нора, Ф. Анкерсмит, Ф. Йейтс, С. Жижек, А. Мегилл, Й. Рюзен, П. Берк, П. Х. Хаттон, М. Ферретти, Т. Джадт и др.

В социально-антропологическом смысле данный исследовательский подход актуализирует роль феномена, практик и приемов коммеморации, постоянно аккумулирующих и воспроизводящих знания о коллективно пережитых событиях, о предках и современниках, о нравственных установках и моральных императивах конкретного сообщества в процессе воспроизводства социальных структур. Именно поэтому американский историк Аллан Мегилл рассматривает коммеморацию как способ конструирования и сохранения сообщества в определенных границах, который позволяет ему «подтверждать чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий» [4, 116].

Политологический ракурс данного подхода акцентирует внимание на сущности сферы политики, как деятельности по конструированию определенной картины мира и навязыванию обществу легитимированных схем видения, восприятия и осмысления социальной реальности. Как подчеркивает П. Бурдье, политические институты являются той средой, в которой происходит постоянная работа по производству смыслов, а всех агентов политического поля «объединяет претензия на навязывание легитимного видения социального мира, все они представляют собой место внутренней борьбы за навязывание господствующего принципа восприятия и деления» [5, 120–121]. Эпифеноменом этого выступает идеологизация исторического прошлого, придание ему статуса компонента символической политики в форме исторической памяти и его практическое использование для создания определенного политического контекста.

Обращение к исторической, а не коллективной памяти, обусловлено различиями между этими двумя социокультурными феноменами, на что указывает Л. П. Репина. Если под коллективной памятью понимается комплекс разделяемых в рамках конкретного сообщества мифов, верований и представлений, являющийся продуктом общего социального опыта, то под исторической памятью – совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом. С одной стороны, как социокультурный феномен историческая память выступает в качестве инструмента самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, задавая референциальные рамки исторического бытия [7]. Но, с другой стороны, данный термин является идеологическим конструктом, который используется в контексте задачи по искусственному формированию массовых, обыденных социальных представлений о прошлом и воплощающих их национальных образов и

символов, реализации в обществе политики памяти и коммеморативных практик для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем. Следует отметить, что трансформация истории в память, коммеморацию и традицию, как считает А. Мегилл, инспирирует редукцию истории к структуре мышления и действия только в настоящем. Кроме того, она продуцирует тенденцию элиминировать ее критическую функцию, фактически замещая исторические факты искусственно создаваемыми культурными нарративами и ментальными схемами определенных социальных групп.

Для постсоветского общества подобные манипуляции с историческим прошлым обусловлены вполне утилитарными причинами: необходимостью формирования национальной идентичности, легитимизации притязаний постсоветских политических элит на власть, государство или территорию, морального оправдания применяемого в социально-политической жизни насилия. Концепт «политика памяти», который репрезентирует такие манипулятивные действия в структуре символической политики, характеризует практики использования и регулирования исторической памяти различными политическими акторами (государством, партиями, общественными движениями, лоббистскими группами и т.д.), апеллирующими к общезначимым моральным нормам и нравственным принципам, национальному историко-культурному наследию.

Символическая политика, как деятельность различных политических акторов по производству различных способов интерпретации социальной реальности и обеспечению их доминирования в публичном пространстве, в условиях постсоветского общества выступает как достаточно действенное, экономичное и эффективное средство политической борьбы [3]. Она позволяет посредством артикуляции и агрегирования вербально оформленных идей, представленных в рационально-логической форме (мировоззренческих принципов, идеологических концепций и доктрин, партийных программ и т.п.), и невербальных способов означивания (символов, образов, жестов и т.п.) при минимальном использовании материальных ресурсов обеспечить доминирование одних схем интерпретации социальной реальности в ущерб другим, добиться политической мобилизации сторонников и маргинализации оппонентов, конвертировать символический капитал в другие формы ресурсов.

В процессе использования и интерпретации исторического прошлого политическими акторами особое значение имеет идейно-символическое пространство постсоветского общества, как специфическая среда и особый социокультурный механизм нормативно-символического производства политически значимых смыслов, образов, символов, мифологем и нарративов. При этом процесс создания новых культурных символов, мифов и ценностей сопровождается постепенным вытеснением на периферию общественного сознания старых идеалов, ценностных установок, мифологем и символов, а историческая специфика постсоветского общества определяет

проблемный характер политики памяти, независимо от субъекта и параметров ее реализации. Иными словами, в постсоветском обществе, что наглядно демонстрирует процесс исторического развития всех постсоветских государств, символическая политика в целом и политика памяти в частности характеризуется идеологической ангажированностью (преимущественно на основе примордиалистских концепций), конфликтогенным характером и отсутствием возможности достижения общенационального консенсуса по вопросу оценки исторического прошлого сообщества.

Концепт «идейно-символическое пространство» в современном политологическом дискурсе рассматривается в качестве «совокупности идей, образов, символов, нарративов, мифов и прочих способов репрезентации смыслов, способных образовывать более или менее устойчивые комбинации и служить ориентирами для политических акторов» [1, 14]. Содержание данной сферы гетерогенно и включает в себя как более или менее целостные и упорядоченные системы идей, осознанных убеждений и ритуалов, которые эффективно выполняют функцию идеологической индоктринации, так и достаточно аморфные образы, смыслы и дискурсивные практики, слабо репрезентирующие для индивида конкретные политические нормы и ценности. В постсоветском обществе такого рода идейно-символические формы и их различные комбинации, циркулирующие в определенных институциональных рамках, задают контекст для политических коммуникаций и процессов, предлагают способы интерпретации социально-политической реальности. Имплицитно они задают определенную иерархию исторических событий, определяют параметры политической активности как индивидов и групп, так и институционализованных сообществ.

В качестве социальной среды, определяющей динамику идейно-символических форм, выступает публичная сфера, интегрирующая гражданское общество и политические институты. Благодаря своей определенной независимости от сферы государственного управления и открытости для разных секторов общества, она позволяет в более или менее открытом режиме обсуждать социально значимые проблемы, формировать общественное мнение, конструировать и переопределять коллективные идентичности [2]. Структурные и функциональные параметры публичной сферы исторически изменчивы и определяются как ее институциональным устройством, так и социально-политической конъюнктурой в обществе.

В методологическом аспекте актуализация идейно-символического пространства как фактора политического развития постсоветского общества обуславливает необходимость, во-первых, определения роли различных политических акторов и социальных субъектов в создании и воспроизводстве политически значимых смыслов и значений. Следует подчеркнуть, что среди всех политических акторов в данной деятельности особую роль играет государство, которое обладает возможностью наиболее эффективно обеспечивать легитимацию существующего социального порядка и поддержку определенной нормативно-ценностной системы посредством

принудительного распределения ресурсов, формирования правовой системы и символизации определенных социальных процессов и событий. Другие политические акторы (партии, общественные движения и т.д.) играют менее значимые роли, либо конформистски придерживаясь транслируемой государством версии политики памяти, либо мягко оппонировав данному курсу в легальных формах и рамках. Ситуация жесткого неприятия правил игры, как показывает постсоветский исторический опыт, обычно свидетельствует о наличии серьезнейшего политического кризиса и деструкции системы правовых и политических институтов в обществе, которые в этих условиях вынуждено самостоятельно искать выход из кризиса, создавая новое качество гражданских инициатив и политических коммуникаций.

И, во-вторых, предполагает характеристику социокультурных механизмов, посредством которых этот процесс обеспечивается в обществе. В данном случае речь идет о коммеморативных практиках, представляющих собой особый вид социокультурной деятельности, обеспечивающей межпоколенческую трансляцию социально значимых ценностей, культурного опыта и культурного наследия из прошлого в будущее, их (ре)конструирования и сохранения в исторической памяти конкретного этнонационального сообщества. Их отличает избирательность, эмоциональная насыщенность и субъективизм, которые актуализируются в соответствующих исторических нарративах и репрезентациях, как производных когнитивных и мнемонических актов процесса коммеморации. В результате чего актуализируются и репрезентируются только отдельные информационные аспекты об историческом прошлом, как в контексте оценки актуального развития группы или общества в целом, так и долговременных проекций их развития. Или, характеризуя данную ситуацию в системе координат конструктивистского подхода, память не возвращает сообщество к прошлому, а создает его посредством множества когнитивных и коммуникативных актов своих членов. Таким образом, коммеморативные практики являются одним из существенных источников конституирования этнокультурной, гражданской и политической идентичности, служат для выражения групповой солидарности.

Коммеморативные практики, которые являются объективацией политики памяти и, соответственно, реализуются и воспроизводятся как по инициативе политических акторов, так и в рамках различных сообществ, одновременно выступают как инструменты и формы производства и трансляции определенных способов интерпретации социальной реальности и моделей поведения, значимых для понимания социально-политических явлений и процессов. С точки зрения природы происхождения и функциональной нагрузки в социально-политической сфере общества их можно рассматривать в двух взаимосвязанных аспектах.

Во-первых, с точки зрения специфики конструирования и воспроизводства. С одной стороны, коммеморативные практики могут целенаправленно инициироваться и искусственно создаваться для

потребления социальными группами, исходя из социально-политических интересов различных акторов (государства, политических партий, общественных движений и т.д.), а затем воспроизводиться в социальной среде при их активном участии в организационно-управленческом и ресурсном обеспечении данного процесса. Примером этому служит историческая политика, реализуемая государством в Германии (где в начале 1980-х годов возникло понятие *Geschichtspolitik*, характеризующее навязываемую обществу партийно-политическую интерпретацию исторического процесса), Польше, странах Балтии, в Грузии и Украине. С другой стороны, коммеморативные практики могут являться естественным продуктом деятельности различных сообществ, выступая в качестве ресурса формирования и поддержания групповой идентичности, а также средства их политической мобилизации (например, традиции казачества во многом способствовали сохранению этой уникального субэтноса в перипетиях новейшей истории восточнославянских стран).

Во-вторых, коммеморативные практики можно анализировать в контексте их функциональной политико-социализационной нагрузки, рассматривая в качестве средства формирования и актуализации этнонационализма, как универсального принципа конституирования гражданина современного сложноорганизованного политико-государственного сообщества. При этом следует подчеркнуть эвристичность трактовки культурных процессов в постсоветском политическом и социальном пространствах в контексте современных воззрений на природу национализма, позволяющей эксплицировать производство и воспроизводство политически значимых смыслов в контексте культурного пространства постсоветского общества.

С точки зрения немецкого политолога Эгберта Яна, можно говорить о двух моделях актуализации этнонационализма: «Этнонационализм носителей государства может быть инклюзивным, предоставляющим лицам иноэтнического происхождения возможность войти в состав доминирующей нации, приняв её культурно-языковые, политические, реже – конфессиональные установки, и эксклюзивным, содержащим в себе запрет на ассимиляцию» [9, 38]. Соответственно, коммеморативные практики могут актуализировать либо конструктивистский, либо примордиалистский вариант этнонационализма, создавая соответствующие исторические нарративы, претендующие на общенациональный статус, и определяя вектор развития культуры социума. Манифестируя данные практики в реальном социальном пространстве или виртуальной среде (например, в форме создания монументов, «мест памяти», проведения фестивалей, утверждения и празднования коммеморативных дат, гражданских инициатив и пр.), политические акторы делают их этнонациональное наполнение объектом публичной политики и рефлексии.

Итак, коммеморативные практики являются ресурсом и инструментом формирования разнородного и плюралистического идейно-символического



пространства постсоветского общества, а в отношении отдельного индивида выступают в качестве способа современной политической репрезентации [8, 35]. Политические акторы и социальные группы, актуализирующие их в соответствующих версиях политики памяти, одновременно как обеспечивает историческую преемственность в социуме, так и насыщает социально-политическую жизнь конфликтогенными факторами и процессами. Как результат, иррационализация политического процесса постсоветского общества, одновременно ведущая как к доминированию в публичной сфере проблематики символической политики, так и к маргинализации вопросов его социально-экономического и технологического развития.

Таким образом, формирование идейно-символического пространства постсоветского общества представляет собой противоречивый и конфликтогенный процесс, в котором различные политические акторы используют инструменты символической политики преимущественно для достижения собственных политических целей и задач, чем для решения актуальных проблем его развития.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под. ред. О. Ю. Малиновой. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2011. – 285 с.
2. Малинова О. Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Полис. – 2007. – № 1. – С. 6–21.
3. Малинова О. Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Политическая концептология. – 2013. – № 1. – С. 114–130.
4. Мегилл А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
5. Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – 288 с.
6. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 559 с.
7. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
8. Хаттон П. История как искусство памяти / П. Хаттон. – СПб.: Владимир Даль, 2003. – 424 с.
9. Ян Э. Демократия и национализм: единство или противоречие? / Э. Ян // Полис. – 1996. – № 1. – С. 35–49.

## РЕЗЮМЕ

**Д. І. Наумов** Ідейно-символічний простір пострадянського суспільства в контексті символічної політики.

*У статті розглядається проблематика формування ідейно-символічного простору пострадянського суспільства за допомогою символічної політики, конституційованої і реалізованої різними політичними акторами. В якості методологічної основи дослідження використовується такий підхід, як «memory studies». Він актуалізує теоретичне осмислення проблем історичної рефлексії на груповому та соціальному рівні, конструювання соціокультурного простору і форм репрезентації групової ідентичності.*

**Ключові слова:** ідейно-символічний простір, пострадянське суспільство, символічна політика, історична пам'ять, коммеморація.

## SUMMARY

**D. I. Naumov.** Ideological and symbolical space of Post-Soviet society in a context of symbolical policy

*In article the perspective of formation of ideological and symbolical space of Post-Soviet society by means of symbolical policy which is created and realized by various political actors is considered. As a methodological basis of research such approach, as «memory studies» is used. It staticizes theoretical judgment of problems of a historical reflection at group and social level, designing of sociocultural space and forms of representation of group identity.*

**Key words:** ideological and symbolical space, Post-Soviet society, symbolical policy, historical memory, kommemoration

УДК: [316.454.3:165.742]:299.4(045)

**О. С. Поліщук**

Хмельницька гуманітарно-педагогічна академія

## ПРИНЦИП ГУМАНІЗМУ В КОЛЕКТИВНІЙ ДІЇ

*Розглянуто суспільство як сукупність людей, що базується на взаємодії та взаємостосунках. Визначено місце гуманізму у соціальній структурі. Проаналізовано значення цього явища у конструюванні колективної дії. Доведено, що соціальна структура є не що інше, як взаємодія соціальних груп, індивідів, які утворюють соціальну систему і ґрунтуються на принципах гуманізму й толерантності. Зазначено, що без цих принципів колективна дія відбутися не може. Адже завдяки цим принципам людина проникає в соціальну групу, вибирає її і своєю дією доводить свою рівнозначність. З іншого боку – соціальна група намагається навчити цю людину, допомогти їй розкритися, а це свідчить про те, що в*